

«УМОМ ГРОМАМ ПОВЕЛЕВАЮ...»

Валерий Николаевич Кузнецов родился в 1941 году в Оренбурге. Окончил Киевский топографический техникум, Литературный институт им. А.М. Горького. Работал в полевых партиях, журналистом в областной газете «Южный Урал». Поэт, автор нескольких поэтических сборников, книги очерков литературного краеведения «Я посетил места...», редактор-составитель книги «Оренбург – «всем азиатским странам и землям... ключ и врата». Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийской литературной Пушкинской премии «Капитанская дочка» (2010), региональной литературной премии им. П.И. Рычкова (2014). Награждён серебряным крестом «За возрождение Оренбургского казачества». Живёт в Оренбурге.

«...Угасло одно из светил поэзии нашей, лучезарнейшее светило её! Державина нет! Смерть похитила в нём у муз почтенного их Нестора, у отечества — мужа знаменитого, прешедшего со славою и пользою поприще долгой жизни, у ближних и друзей — добродушного старца, украшенного семейственными добродетелями». Так в 1816 году — на фоне светского равнодушия «высшего общества» — почти вызывающе начиналась статья молодого поэта и критика Петра Андреевича Вяземского... Наступала эпоха историко-литературного осмысления творчества великого поэта, о котором Пушкин девятью годами позже писал: «Кумир Державина, 1/4 золотой, 3/4 свинцовый, доньне ещё не оценён»...

Откроем XIX том Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона: «Село Державино,

учителей, в обучение немцу Иосифу Розе, сосланному сюда на каторжные работы. Жестокий и развращённый невежда, не знающий грамматики, все добродетели которого умещались в каллиграфическом почерке, Розе тем не менее научил через несколько лет своих питомцев «мужеска и женска полу» читать, писать и говорить по-немецки. Пристрастился ученик Державин и к рисованию, «занимаясь им денно и ночью», раскрашивая лубочных «богатырей чернилами, простою и жжёною охрой».

В 1754 году, последнем в службе и жизни, отец поэта получил во владение 300 четвертей пахотной земли с лесами и угодьями по реке Кутулук в Бузулукском уезде, где и основал село Державино, бедное настолько, что, по воспоминаниям сына, «даже 15 р. долгу, после отца оставшаго, заплатить нечем было...» Нежданная смерть отца, видимо, помешала по обычаю дворянских семейств того времени зачислить малолетнего сына в полк, чтобы к совершеннолетию ему вышел офицерский чин. Поэтому Казанской гимназии, где начал учиться Гаврила Державин по её открытию в 1758 году, он не кончил. В 1762 году он оказался — почти на десять лет — в солдатской казарме Преображенского полка. Любого другого такая неудача в начале пути могла бы сломить на всю жизнь.

С началом службы связано происшествие, едва не стоившее ему жизни. Получив после года службы чин капрала, Державин отпросился в отпуск к матери в Казань. Они съехались в оренбургской деревне, где прожили лето. Дела потребовали поездки Державина в Оренбург, и по дороге, в случайной охоте близ Сорочинской крепости, его тяжело ранил дикий кабан. Спасло чудо: из ружья со сломанным ложем он смог попасть утиным зарядом прямо в сердце рассвирепевшего зверя. Раненого лечили «в Оренбурге недель с шесть».

*Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!*

— утверждал Фёдор Тютчев. С Преображенским полком рядовой Державин участвовал в дворцовом перевороте 28 июня 1762 года, когда на трон вместо убитого Петра III взошла его жена Екатерина — будущая державная работодательница необыкновенного чиновника-поэта.

В 1773 году гвардии прапорщик Державин оказался в составе правительственных войск, выступивших против Пугачёва. От главнокомандующего войсками А.И. Бибикова офицер-поэт получил приказ захватить самого руководителя Крестьянской войны. «В поимке самозванца» Державин «не имел счастья», вместо этого дважды сам был «почти в руках Пугачёва». Только чудо

спасло Державина от пугачёвского дротика. Так переплелись судьбы ярчайших личностей эпохи, два русских пути, две правды.

Были и другие его потери в войне с народом: он «лишился всего собственного имущества в Оренбургском уезде и в Казани», и «даже мать... претерпела злодейский плен». Война открыла глаза на многое, о её причинах он писал казанскому губернатору: «Надобно остановить грабительство, или, чтобы сказать яснее, беспрестанное взяточничество, которое почти совершенно истощает людей». Можно сказать, что Крестьянская война довершила его гражданское становление.

С участия Державина в военных событиях Оренбургский край географически уходит как бы на дальний план его жизненных впечатлений, — но не из творческих запасников души. Время от времени он посещает Казань, Оренбург и своё Смоленское на Кутулуке. Поэтическое восклицание о Казани: «О колыбель моих первоначальных дней!» — можно было бы отнести и к Оренбургу, помня о его шести детских «самых впитывающих» годах.

Не редкость восточный колорит в его стихах:

*Там степи, как моря,
струятся,
Седьм волнуясь ковылём...;*

в строках «Памятника» — своего перевода горацевой одной-мённой оды после перевода Ломоносова (пушкинский вариант «Памятника» появится только через четыре десятилетия):

*Слух пройдет обо мне
от Белых вод до Чёрных,
Где Волга, Дон, Нева,
с Рифея льёт Урал;
Всяк будет помнить то
в народах неисчётных,
Как из безвестности
я тем известен стал...;*

в литературных мистификациях на темы Востока:

*Татарски песни из-под спуду,
Как луч, потомству сообщу.*

В одах Екатерине II — Фелице — он называет себя мурзой (*татарским князем* — В. К.), пишет «Видение Мурзы», где приветствует просвещённый абсолютизм, отвергает обвинения в лести: «...сердца моего товаров за деньги я не продаю». Екатерина II царственно подыграла поэту — идеологу самодержавия, пожаловав «прекрасную золотую, осыпанную бриллиантами табакерку и в ней 500 червонных» с сопроводительной надписью: «Из Оренбурга от Киргизской Царевны мурзе Державину».

Восточные пристрастия поэта объясняются не только и не столько этнографией, — в Бархатной книге, родословной знатных

русских боярских и дворянских фамилий, род Державиных восходит к роду «Багримы мурзы, выехавшего из Золотой Орды при царе Иване Васильевиче Тёмном». Державин никогда не забывал об этом, как и о «славе росссов», которой страстно служил как русский поэт. Но общественное и творческое служение Державина ещё впереди, пока же он «мараает стихи без всяких правил», «проводит свою жизнь между грубых своих товарищей», ведёт «маленькую, а потом и... большую карточную игру», живёт частной жизнью своего века, полной бытовых приключений и опасностей.

В 1777 году поручик Державин вынужден «с огорчением» оставить военную службу с пожалованием чина коллежского советника и трёхсот душ в Белорусской губернии. Весной следующего года он женился на 17-летней Екатерине Яковлевне — дочери бывшего камердинера Петра III, португальца Якова Бенедикта Бастидона. Мать её была кормилицей Великого князя Павла Петровича, будущего Павла I. Младший современник и друг Державина баснописец Иван Крылов «страстно любил» Екатерину Яковлевну и считал её гениальной.

«Шум славы» звал Державина, и он, «предприимчив, смел и расторопен», шёл на этот зов.

Судьба Державина, как могучее дерево на высоте, притягивала молнии бытия, — жизнь его вся «в частых, скорых и

неожиданных переменах фортуны». Оды к Фелице сделали своё дело: Екатерина II заметила и отличила своего поэта. У него удачная карьера: осенью 1777 года он ещё чиновник департамента Сената, а в 1784-м назначен Олонецким губернатором новооткрываемой губернии.

У Екатерины II было «кадровое чутьё». Для самой северной российской губернии требовался администратор с твёрдым характером землепроходца, готового к неожиданностям. Так в новооткрываемый город Кемь на берегу Белого моря, близ Северного полярного круга, можно было попасть только морским путём в мае-июне вместе с молебщиками Соловецкого монастыря. «Открыть» же город Кемь державинский недоброхот генерал-губернатор Тутолмин приказал на исходе августа, когда от Кемидуют сильные встречные ветры. Державину пришлось проехать более «1500 вёрст то верхом на крестьянских лошадях по горам и топям, то в челночках по озёрам и рекам, где не токмо суда, но порядочные лодки проехать не могут». На обратном пути в шестивёсельной лодке он чуть не погиб в «страшную бурю», но, впервые попавший на море, «не потерял духу», «вскочил, закричал на гребцов, чтоб не робели», и так чудом спаслись. «Знать, он ещё Промыслом оставлен для чего-нибудь на сем свете», — подытоживает Державин рассказ об очередном злоключении.

В 1786 году Державин переведён в Тамбовскую губернию, где пробыл до конца 1788 года. В обеих губерниях он деятелен, мужествен, энергичен, содействует просвещению, общественной жизни, пытается расчищать административные авгиевы конюшни с их сумасбродством и нелепицей, коррупцией, взяточничеством и даже участием высших чиновников, как бы сейчас сказали, в заказных убийствах. В обеих губерниях приятельские отношения с наместниками неизбежно сменялись враждой. Державин был, по собственному признанию, «горяч и в правде чёрт», но причины его противостояния с высшей властью, видимо, глубже: легче простить горячность и правдивость, чем то, когда подчинённый «смеет блистать умом», — редкому начальнику это удавалось, и не только в XVIII веке.

Окружающие поэта чиновники всех рангов, разделявшие пошлые истины века, знали: служить честно — смешно и глупо, — Державин в простодушии мучреца и героя этого не знал:

*Если где вельможам властным
Смел я правду брякнуть
в слух, —
Мнил быть сердцем
беспристрастным
Им, царю, отчизне друг.*

Но главным памятником Державину остаётся его поэзия. Его ода «Бог» ещё при жизни автора переводилась на европейские,

восточные и даже древнегреческий языки. Написанная «кистью на длинном куске белого атласа» ода украшала дворец японского императора, свидетельствуя о мировой значимости, универсальности русской поэзии. В этой оде явились ещё не виданные на русском Парнасе философская глубина и мужество духа:

*Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю;
Я царь, — я раб, — я червь, — я бог!*

Стихами о Ломоносове Державин словно сказал о себе:

*В восторгах он своих где лишь
черкнул пером,
От пламенных картин поныне
слышен гром.*

Велика заслуга поэта — реформатора русского языка. При всём засилье, особенно в своих одах, тяжеловесной архаики, у него удивительные прорывы в будущее, как в элегии «Задумчивость», датированной 1808 годом:

*Задумчиво, один, широкими
шагами
Хожу и меряю пустых
пространство мест;
Очами мрачными смотрю
перед ногами,
Не зрится ль на песке
где человеческий след.
Увы! я помощи себе между
людьми
Не вижу, не ищу, как лишь
оставить свет;*

Веселье колы прошло,
грусть обладает нами,
Зол внутренних печать
на взорах всякий чтет.
И мнится мне, кричат долины,
реки, холмы,
Каким огнём мой дух
и чувства жегомы
И от дражайших глаз что взор
скрывает мой,
Но нет пустынь таких,
ни дебрей мрачных, дальных,
Куда любовь моя в мечтах
моих печальных
Не приходила бы беседовать
со мной.

Отсюда понятнее Державин — автор пословицы «Учиться никогда не поздно», — в его элегии архаичные словарь и стилистика первых строф подают руку пушкинской прозрачности языка и гармонии строк завершающих. Но до явления поэта Пушкина ещё далеко: ему лишь восемь лет!

Следуя традиции отечественных и мировых шедевров («Слово о полку Игореве», «Слово о Законе и Благодати»), Державин относится к художественному слову как воплощению истины. Отсюда мужество правды: «Змеёй пред троном не сгибаться, стоять — и правду говорить». Отсюда нравственное подвижничество русской классики от Пушкина до Шолохова, Есенина, Николая Рубцова.

В 1794 году Державину впервые изменило богатырство духа:

Всё опустело! Как жизнь
мне снести?
Зельная меня съела тоска...

— скончалась его Екатерина Яковлевна, с которой он прожил шестнадцать счастливых лет. Другу-поэту Ивану Дмитриеву он сетовал: «Оплачьте, музы, мою милую, прекрасную, добродетельную Плениру, которая для меня только жила на свете, которая всё мне в нём составляла».

Вторая женитьба Державина связана с его приятельским кругом, куда входили зятя будущей его избранницы Дарьи Алексеевны Дьяковой и среди них — поэт, архитектор, музыкант, ботаник, собиратель русских народных песен Н.А. Львов. Член Российской академии, почётный член Академии художеств (где писались «замечательные образа» для державинской церкви!), Львов проектировал здание Почтамта в Петербурге, Борисоглебский собор в Торжке, перестраивал петербургский дом Державина на набережной Фонтанки (ныне за № 118 — восстановленный к 2011 году музей «Дом-усадебна Г.Р. Державина»). Не он ли автор проекта и храма Знамения в Державино-Смоленском?

В новом браке поэт и Дарья Алексеевна соединили свои судьбы «хотя не пламенной романтической любовью, но благоразумием, уважением друг друга и крепким союзом дружбы». Как и

в первом его браке, невеста была вдвое моложе.

До конца дней Державин проводил каждое лето в имении жены Званке на берегу Волхова в 70 верстах от Новгорода. В стихотворении «Евгению. Жизнь Званская» он идиллически показал «труды и дни» помещика — мудреца и жизнелюба. Предсказал он и судьбу этого места, где «Бога жил певец, Фелицы»: «Разрушится сей дом, засохнет бор и сад, не вспомнят-ся нигде и имя Званки».

Словно прощальным приветом от Оренбургского края из «страны отрочества» стало знакомство угасающего Державина с 23-летним тогда начинающим литератором и художественным декламатором Сергеем Аксаковым, будущим автором выдающейся дилогии «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука».

После исполнения Аксаковым оды «На смерть князя Мещерского» великий автор обнял его «со слезами на глазах». Державин прозорливо «много предсказывал в будущем» своему молодому другу.

В том же году произошла его встреча с юным Александром Пушкиным на публичном экзамене в Лицее, отозвавшаяся в хрестоматийных стихах поэта:

*Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил.*

По державинским «Запискам» видно, что в «оренбургскую деревню», о которой поэт

«по-соседски» напоминал Аксакову, он наезжал, иногда оставаясь по нескольку месяцев, в 1754, 1763, 1767, 1773, 1778 и в 1784 годах — до смерти матери Фёклы Андреевны, владелицы деревни, жившей в Казани. Державин, в свою очередь, владел имением до своей смерти в 1816 году.

В очерке «Гавриил Романович Державин» смелой для своего времени краеведческой книги «Писатели-классики в Оренбургском крае» её автор Николай Ефимович Прянишников (в 2013 году исполнилась 50-я годовщина его памяти) по исследованиям оренбургского историка и краеведа Сергея Александровича Попова сообщил: «Отец поэта за год до своей смерти получил от казны 300 четвертей пахотной земли с лесами и прочими угодьями по реке Кутулук в Бузулукском уезде. Это «пожалование» и послужило... основанием села Державино. Мать поэта перевела сюда небольшое число тамбовских крестьян, унаследованных от первого её мужа, а также 37 крепостных крестьян, купленных ею в Ставропольском ведомстве на Поволжье. Позднее сам поэт увеличил размеры оренбургского имения покупкой смежных земель у своих соседей-башкир и переселил сюда часть крестьян из других своих имений: из Белоруссии, из Арзамасского уезда, из родовых казанских деревушек. Переведённые крестьяне образовали несколько смежных

деревень: Романовку, названную так по имени отца поэта, Фёклинку — по имени матери, Гавриловку — по имени самого поэта и Екатериновку — по имени его первой жены. Впоследствии все эти деревни слились в одно село Державино-Смоленское (второе название — от белорусских поселенцев), и названия их сохранились в названиях составных частей села».

После губернаторства в Олонецкой и Тамбовской губерниях назначенный кабинетским секретарём и сенатором Державин должен был жить в столице. «Чтобы жить в Петербурге сообразно со своим положением, — приводит Н.Е. Прянишников слова биографа поэта Я.К. Грота, — надо было подумать об увеличении своих доходов, и для этого супруги занялись улучшением своего оренбургского имения». В 1790 году Державин пригласил на должность управляющего этим имением некоего Перфильева («по контракту за 500 рублей в год») и вступил с ним в деятельную переписку. «Речь шла об устройении в деревне винокурного завода, но с тем, чтобы не отрывать крестьян от их работ, употребляя их не иначе как по найму. В то же время предположено было завести там полотняную и суконную фабрики, на которых крестьяне выучились бы из своей собственной пряжи ткать для себя посредственные полотна и для себя же делать порядочные сукна. При этом Державин объяснял, что цель его

вовсе не личная прибыль и не заведение фабрик на широкую ногу; он желал так устроить их, чтобы не только работники для себя и для своего господина ткали, но чтоб и всякий крестьянин мог ими воспользоваться так, как пользуются мельницами, толчеями и т. п.».

После ряда неудач с управляющими оренбургским имением Державин остановился на некоем П. Чичагове — зяте своего уфимского приятеля и торгового посредника Мертваго, который «заботился об устройстве поставки с его завода вина в Уральск, Оренбург и другие города тамошнего края». В июле 1796 года Державин писал к Мертваго: «Спешу вас благодарить за такого человека, которого ум и сведения уверяют меня в полной мере, что деревни мои будут иметь не расхитителя, а устроителя и попечителя как о моём, так и о их благе». Неслучайно именно с годами хозяйственного подъёма имения связано строительство сельского храма в Державино-Смоленском.

При всей краеведческой актуальности очерк Н.Е. Прянишникова не отвечал, да и не мог ответить на вопрос о послереволюционной судьбе державинского имения: в 1970 году — времени выхода третьего издания его книги — политически некорректно было объявлять миру, что усадьба великого поэта стёрта с лица земли, а храм превращён в склад. До постановления Совета Министров РСФСР «О мерах

по улучшению охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры в свете Закона СССР и Закона РСФСР об охране и использовании памятников истории и культуры», выхода первого номера ожидаемого, как воздух, альманаха «Памятники Отечества» оставались ещё долгие десять лет.

Так что не «казённый» интерес, а самодурная (словечко Аполлона Григорьева) занятость державинским творчеством и краеведческое любопытство погнало автора этих строк в первую державинскую поездку в начале восьмидесятых. В том свободном краеведческом поиске с полным пакетом нравственных обязательств, но без элементарных организационных прав вольного туриста и приютила в знаменитом селе гостеприимная и хлебосольная педагогическая чета Ивановых — директор Державинской средней школы Владимир Петрович и его жена и школьная коллега Мария Андреевна.

Неизменно доброжелательный Владимир Петрович, стихийный краевед, собирающий по листику альбом истории своей школы, принял, как свои, заботы державинских изысканий: доставал старые фотографии храма, сообщал краеведческие сведения — всё, что мог узнать у державинских старожилов.

Так и повелось с тех пор. Серая асфальтовая лента оренбургского шоссе Бузулук — Бугу-

руслан, того самого, что ведёт в Преображенку к Карамзину, потом в Державино, а там, если есть время и колёса, — и к Аксакову. Зелёные всех оттенков пространства полей между лесополосами, гигантские холсты ярко-жёлтого рапса, высвеченные предгрозовым солнцем; блёкло-синее небо с бело-серыми облаками. Зелёное и голубое — два заглавных цвета обнимают душу.

Между поворотами: правым — в Преображенку — и левым — в Державино — асфальт стелется по широкому логу, густо заросшему вековыми дубами. Так высоки и густы деревья, так узка дорожная просека, что из солнечного дня вдруг въезжаешь в сумерки.

Они всплывают сами около этих мест — строки, впитанные, кажется, с молоком матери: «И дым Отечества нам сладок и приятен». Грибоедов лишь повторил, переставив, державинские удивительные слова: «Мила нам добра весть о нашей стороне: Отечества и дым нам сладок и приятен».

Сколько их было, таких приездов в Державино, и в каждый из них прежде всего находил новых своих друзей Ивановых, также посылали за продавцом хозяйственного магазина Верой Васильевной Глазуновой, и та обязательно приходила, открывала тяжёлые церковные двери, терпеливо, с какой-то даже надеждой пережидая очередную докуку.

С запылённым шумом и треском крыльев поднимались дикие голуби, обдавая холодно-погребным запахом плесени и остро-терпким духом слежавшегося за десятилетия птичьего помёта. Солнечные столбы с пылинками — сквозь дыры и щели в куполе и забитых окнах — высвечивали ящики с банками краски, рулоны толя, бочки, вилы — всё, что может пригодиться в сельском обиходе. С запылённых облупившихся сводов эпически невозмутимо, не имея ничего общего с окружающей мерзостью запустения, смотрели из вечности библейские и отечественные исторические персонажи: великая княгиня Ольга, великие князья Владимир Святославович и Александр Невский — устроители и защитники древней Руси. Неожиданная основа уникальнейшей художественной галереи, единственной в нашей области с её дефицитом исторических реликвий.

Как в своё время для Сергея Тимофеевича Аксакова, пришло время откровений и для Державина; к 240-й годовщине со дня его рождения две областных газеты: «Комсомольское племя» и партийный «Южный Урал» — поместили мои заметки о великом поэте: «Он пользу общую хранил» и «...Я жил, сколь мог, для общего добра». В первой из них раскрывались неудобные краеведческие реалии. Нынешним молодым трудно представить всю сложность ситуации,

но барьер партийных умолчаний был, наконец, преодолен.

Храм Знамени в его оренбургской деревне словно повторил судьбу своего строителя и эпического героя оды «Бог»:

*Твоей то правде нужно было,
Чтоб смертну бездну преходило
Моё бессмертно бытие;*

— он пережил своё уничтожение и в 1990 году заботами Оренбургской областной писательской организации, руководил которой тогда прозаик Пётр Краснов, и областного отделения Всероссийского фонда культуры, взявшими над ним шефство, передан местной православной общине. Под началом подвижника веры, старосты общины Василия Егоровича Кондакова, с благословения митрополита Оренбургского и Бузулукского Леонтия, силами немногочисленных верующих прихода началось медленное, нелёгкое восстановление порушенного.

Заметно ускорила работы подготовка к празднованию 255-й годовщины со дня рождения поэта и 200-летия храма. То, что совершалось в Державине накануне юбилея, походило на чудо, почти обычное в судьбе поэта. Руководители областной администрации и её комитета по культуре, нефтяной компании «ОНАКО», районной и сельской администраций сделали, казалось, невозможное: храм ожил алтарём, обнесена металлической

оградой его территория, сооружена наземная колокольня и установлен колокол, заасфальтированы подъездные дороги.

Такого в полном смысле народного праздника при таком стечении гостей из Бузулука и окрестных сёл державинская земля ещё не видала. Так праздновали разве лишь 200-летие С.Т. Аксакова близ его строящегося Дома-музея в одноимённом знаменитом селе, что в Бугурус-ланском районе Оренбуржья.

Начался Державинский праздник торжественной службой в освящённом храме и долго не успокаивался под открытым небом, несмотря на грозовые тучи. Это было возвращением поэта в места, давшие ему первые отражения «зеркала времён»...

Жаркий июльский полдень. Ветер несёт вместе с пойменной прохладой вольные запахи полыни и чабреца. С юго-запада от ровного горизонта, поросше-

го щётками лесов, понижается к невидимой из-за вётел ниточке Кутулука пологая равнина. На северо-востоке горизонт взбугривается холмами, переходит в Колочную гору, через овражистую долину взбирается к Лисьей горе, чтобы разбежаться по безымянным шиханам.

Остались от державинских времён этот ветер, насыщенный свежестью трав, вечный — хотелось бы думать так! — абрис холмов да тоненький Кутулук, как символ быстротечной памяти.

И в солнечных пылинках под куполом возрождённой державинской церкви остался сладкий дым Отечества, завещанный по-этом:

*Так! – весь я не умру;
но часть моя большая,
От тлена убежав,
по смерти станет жить,
И слава возрастет моя,
не увядая,
Доколь славянов род
вселенна будет чтить.*